

Лунхуаская эра, 282 год, середина декабря. Дворец Цаньцингун.

Император Юнь Синь с некоторым скучающим видом смотрел на столпившихся в главном зале сановников, которые взаимно обвиняли друг друга и перекладывали ответственность.

Сколько уже прошло лет, — думал он про себя. — Когда я был маленьким, о чём я думал больше всего? Поднебесная? Императорский трон? Совсем нет! В то время всё, чего я хотел, — это лишь отцовская улыбка да материнская нежность и ласка. Поднебесная и императорский трон достались мне не от отца, не от батюшки-императора, а от вас. От вас, тех самых людей, что родились с неизбывным долгом преобразить Поднебесную и привести государя к добродетели Яо и Шуня. Но что теперь? Батюшка ушёл, а вы? Что делаете вы? И что делаю я сам? Эту великолепную страну, этот высочайший императорский трон — как долго я ещё смогу всем этим владеть? Год, два? День, два? Похоже, звание правителя гибнущей страны суждено носить именно мне.

Сюй Вэй проявил себя как бездарный полководец, допустил грубые ошибки, из-за чего Улиньчжэнь и Цихайвей были полностью уничтожены. Его следует отправить в отставку и предать суду, — заявил тогда Е Сянь.

Какая нелепость — бездарный полководец и грубые ошибки! Разве можно полностью уничтожить сорокатысячную элитную армию казаков и живьём взять в плен Модо? Подобной «бездарности» и таких «ошибок» мне видеть ещё не доводилось. А вот Бай Тайань, главнокомандующий военными делами четырёх провинций — Округа Юйчжоу, Цзинчу, Сяосян и Башу, терпел поражение за поражением. После него Ван Хуачжэнь (бывший главнокомандующий провинции Башу) тоже возглавил войска четырёх провинций, но потерпел точно такое же поражение. Вот это и называется бездарным командованием и грубыми ошибками, — возразил Сунь Чэнцзун.

Полное уничтожение сорокатысячной элитной армии казаков и пленение Модо — это результат отчаянного боя, который Циньвэй вела ценой собственных жизней, и к этому Сюй Вэй не имеет никакого отношения. Что же касается поражений Бай Тайаня и Ван Хуачжэня, то они произошли потому, что войска четырёх провинций были слишком рассредоточены и не успели соединиться, из-за чего сплотившиеся бунтовщики разгромили их поодиночке, — заявил Гу Дунмин.

Но ведь Циньвэй находилась в подчинении у Сюй Вэя, и каждое её движение происходило по его приказу, как же это не имеет к нему отношения? — парировал Сунь Чэнцзун.

Взаимные нападки в императорском зале продолжались. Во главе стояли различные фракции: чжэцзянская, цискакая, чуская, сюаньская и куньминская, предводительствуемые ректором Восточного павильона и министром чинов Е Сянем, ректором Павильона Поддержания Гуманности и министром финансов Гу Дунмином, а также ректором Зала Гармонии и Умиротворения и министром наказаний Цзэн Цзягэном. Между этими фракциями тоже существовали противоречия, однако все они были связаны с кликой крупных землевладельцев, пользовались поддержкой удельных князей, знати и бесчисленных коррумпированных чиновников, а своей главной задачей считали травлю честных чиновников и устранение

иномыслящих.

Противостояла им партия честных чинов во главе с ректором Павильона Литературных Достижений и министром ритуала Чжоу Муру, ректором Зала Воинственной Доблести и министром обороны Сунь Чэнцзунем, а также ректором Зала Культурного Величия и министром общественных работ Су Лянем. Они выставляли напоказ свою принципиальность и неподкупность, не боялись сильных мира сего, смело высказывались по любому поводу, критиковали текущую политику, обличали власть имущих, выступали против захвата земель князьями и знатью, а также против бесчинств и поборов налоговых инспекторов и надсмотрщиков за рудниками. Их поддерживали многие неподкупные чиновники и пользующиеся безупречной репутацией литераторы.

И вот теперь эти две противоборствующие группировки обменивались колкостями по поводу вторжения казаков. Чжэцзянская, циская, чуская, сюаньская и куньминская фракции жаждали отомстить за недавнюю отставку Гао Ци и стремились сместить близкого к партии честных чинов Сюй Вэй, чтобы посадить на его место своего человека. Партия же честных чинов надеялась воспользоваться провалами Бай Тайяня и Ван Хуачжэня, чтобы лишить их должностей, а затем добиться назначения своих людей на пост главнокомандующего войсками Округа Юйчжоу, Цзинчу, Сяосян и Башу. В таком случае большая часть военной мощи династии оказалась бы в руках честных чинов. (Почти все полевые армии Лунхуа были сосредоточены в шести провинциях: Шуофан, Ганлянь, Гуаньлун, Чжунчжоу, Улинь и Гуаньнин [где располагались Хуайлинская и Юньчжунская заставы]. Из общего числа полевых войск страны, насчитывавшего более миллиона двухсот тысяч человек, в этих шести провинциях находилось свыше восьмисот тысяч, тогда как на долю остальных местных гарнизонов и гарнизонов управ приходилось около пяти миллионов солдат).

— Достопочтенные сановники, — произнес император, когда смотреть на это стало больше нелегко.

Его слова оборвали продолжавшийся спор. Погрязшие в перебранке гражданские и военные чиновники мгновенно затихли, опустили головы и наострили уши в ожидании императорского вердикта.

Сюй Вэй: заслуги и проступки уравнивают друг друга, наград не присуждать, наказаний не применять; с сегодняшнего дня перевести на должность помощника ректора Зала Воинственной Доблести и правого заместителя министра обороны, сменив Бай Тайяня. Командующий Циньвэй Сюй Вэнхуа проявил выдающуюся доблесть: жалуюм ему титул барона первой степени и повышаем до должности командующего войсками Улиньчжэня с правом командования силами Циньвэй, Цихайвей и пяти гарнизонов; жалуюм звание генерала умирения воинственности третьего ранг-класса и титул легкой колесницы. Положенные награды и поощрения остальным отличившимся лицам: пусть кабинет министров совместно с министерством обороны, министерством чинов и министерством ритуалов обсудят этот вопрос и представят мне доклад. Левый заместитель министра обороны Чэнь Юй принимает под свое начало военные дела Округа Юйчжоу, Цзинчу, Сяосян и Башу с пожалованием титула главнокомандующего для искоренения мятежника Лю. Ван Хуачжэнь, хоть и совершил проступок, но получает шанс искупить вину кровью: с сегодняшнего дня он вступает в должность главнокомандующего Гуаньчжуна. Если у почтенных сановников больше нет дел, заседание объявляется закрытым.

Император лениво махнул рукой. После того как министры хором прокричали пожелания десяти тысяч лет жизни, он поднялся с трона и удалился во внутренние покои для отдыха.

В этот вечер император Юнь Синь не стал звать наложниц на ночлег, а вместо этого взял с собой стражников и направился в Бюро астрономии. Настояв на том, чтобы охрана осталась внизу, он в одиночестве поднялся на Обсерваторию.

Как назло, в этот самый момент Чжан Чусин, Се Фань, Шан Нань, Бай Тайань, Лу Гэ, Лу Яо и несколько астрономов Бюро как раз бурно обсуждали, когда именно произойдет метеорный поток Сириуса, случающийся примерно раз в пятьдесят лет. Эти астрономы спорили с таким ожесточением из-за какой-то разницы в сутки или часы, что покраснели до ушей и были готовы засучить рукава и броситься в драку. Они совершенно не замечали одинокого старика в простой одежде, поднимающегося вверх. Исключение составляли лишь равнодушные к спорам Чжан Чусин, Бай Тайань и Лу Яо. Сейчас эти трое устроились поодаль: каждый держал по пакетиру сушеных фруктов и цукатов и с огромным удовольствием уплетал их за обе щеки, с величайшим интересом наблюдая за перепалкой Се Фаня, Шаня Наня, Лу Гэ и сотрудников Бюро.

Лу Яо заметил императора первым, как раз когда тот направился в их сторону.

— Смотрите-ка, еще один любитель поскандальить пришел, — бросил Лу Яо.

Услышав это, Чжан Чусин и Бай Тайань обернулись. Перед ними предстал старик с несколько измождённым лицом. Хотя император неплохо следил за собой, волосы его уже поседели, а усталый вид делал его по-настоящему старым. Поскольку эта тройка прибыла недавно, они не знали императора в лицо, а его простое платье и отсутствие свиты легко могли ввести в заблуждение.

— Уважаемый дедушка, вы тоже пришли полюбоваться звёздами? — поинтересовался Лу Яо.

— Да, верно, — с интересом отозвался Юнь Синь.

— Вы ведь провели здесь немало времени, должно быть, уже лет тридцать, не меньше? — предположил Бай Тайань. Протягивая Юнь Синю пакетик с сушеными фруктами и цукатами, он кивнул на Чжан Чусина и добавил: — Это Чжунхэ приготовил, очень вкусно. По-моему, даже на императорской кухне такое сделать не смогут.

— Верно, дедушка, отведайте, — предложил и Чжан Чусин, поднося ему угощение.

Юнь Синь улыбнулся, попробовал кусочек и кивнул:

— О чём это они спорят с таким усердием?

— О, эти-то? Обсуждают, когда обрушится метеорный поток Сириуса. Эх, на самом деле спорить тут особо не о чем... — тут Чжан Чусин понизил голос, опасаясь, как бы одержимые астрономией фанатики не услышали его: — По мне так он прольется аккурат в день праздника Долголетия.

— Неужели? — удивился Юнь Синь.

— Точно сказать никто не может, тут гадание на кофейной гуще, лишь примерные сроки, — пояснил Лу Яо, окинув презрительным взглядом группу спорящих. — Вот эти товарищи — типичные примеры... как бы это сказать... ищущих приключений на свою голову. То ли дело мы втроём: едим да на звёзды глазеем, какая благодать! Только вот зимой холодно жуть. Ой, погодите-ка... А почему это у вас под верхней одеждой виднеется что-то жёлтое?

Троих словно молнией поразило. Переглянувшись, они замерли в полном оцепенении.

<http://bllate.org/book/21108/2142436>